

ПОЗИЦИЯ ЗАЩИТНИКА И ДОВЕРИТЕЛЯ — ДОПУСТИМО ЛИ РАСХОЖДЕНИЕ?

Асия Океановна Машовец¹, Елена Юрьевна Никифорова²

^{1,2} Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия

¹ okeanovna@me.com

 <https://orcid.org/0000-0002-9265-943X>

² advokatunix@yandex.ru

 <https://orcid.org/0009-0007-5769-900X>

Аннотация. Статья посвящена теоретическим вопросам и практике выражения несоответствия позиций защиты среди участников уголовного процесса в лице адвоката и обвиняемого (подсудимого) на различных этапах уголовного судопроизводства, что влечет за собой нарушение права на защиту и пределов судебного разбирательства в целом.

Проявлением отсутствия согласия в позициях защитника и подзащитного чаще всего выступает разная трактовка фактических обстоятельств (фабулы предъявленного обвинения), которая отражается в изменении квалификации содеянного обвиняемым (подсудимым), зачастую приводящая к ухудшению положения последнего. В исследовании рассматриваются ситуации возможной несогласованности позиций защитника и его доверителя, приводящие фактически к нарушению права на защиту, представлен подход судебных инстанций к реагированию на подобные существенные нарушения уголовно-процессуального закона со стороны защиты как на стадии судебного разбирательства, так и в ходе рассмотрения ходатайств органов предварительного расследования в порядке ст. 108 УПК РФ, фактически в этих случаях свидетельствующих об отказе адвоката — защитника от принятой на себя защиты и реализации им совершенно противоположной функции — функции обвинения.

Ключевые слова: право на защиту, квалифицированная юридическая помощь, обвинение, адвокат, защитник, подзащитный, доверитель, подсудимый, позиция защиты, пределы судебного разбирательства

Для цитирования: Машовец А. О., Никифорова Е. Ю. Позиция защитника и доверителя — допустимо ли расхождение? // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 2 (41). С. 75–80. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-75-80

Research article

THE POSITION OF THE DEFENSE COUNSEL AND THE CONFIDANT — IS THE DISCREPANCY ADMISSIBLE?

Asiya O. Mashovets¹, Yelena Yu. Nikiforova²

^{1,2} Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russia

¹ okeanovna@me.com

 <https://orcid.org/0000-0002-9265-943X>

² advokatunix@yandex.ru

 <https://orcid.org/0009-0007-5769-900X>

Abstract. The article is devoted to theoretical issues and practice of expressing the inconsistency of defense positions among the participants of criminal proceedings represented by the lawyer and the accused (defendant), at various stages of criminal proceedings, which entails the violation of the right to defense and the limits of the trial as a whole.

The manifestation of the lack of agreement in the positions of the defense counsel and the defendant is most often a different interpretation of the factual circumstances (the charge), which is reflected in a change in the qualification of the act committed by the accused (defendant), often leading to the worsening of the situation of the latter. The study considers situations of possible discordance of positions of the defender and his client, leading actually to violation of the right to defense, presented the approach of judicial instances to respond to such significant violations of criminal — procedural law on the part of the defense, both at the trial stage and during the consideration of motions of preliminary investigation

bodies in accordance with Article 108 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation, actually in these cases indicating the refusal of the lawyer — defender from the assumed defense and implementation of the right to defense.

Keywords: the right to defense, qualified legal assistance, prosecution, lawyer, defense counsel, defendant, defendant, confidant, defendant, defense position, limits of the court proceedings

For citation: Mashovets AO, Nikiforova YeYu. The position of the defense counsel and the confidant — is the discrepancy admissible? *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2024;(2):75-80. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-75-80 (In Russ.)

Введение

Развитие России как правового государства предопределяет значимость вопросов обеспечения защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Решение данных задач является приоритетом в деятельности органов уголовного судопроизводства.

В действующем уголовно-процессуальном законодательстве институт защиты прав подозреваемых и обвиняемых является одним из основных процессуальных институтов, свидетельством законности уголовного преследования и фактической реализации принципа состязательности процесса.

Адвокат-защитник, реализуя право на защиту обвиняемого (подсудимого), руководствуясь нормами уголовно-процессуального законодательства, Федеральным законом от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»¹ (далее — закон № 63-ФЗ), положениями Кодекса профессиональной этики адвоката², обязан определять свою правовую позицию, принимать процессуально значимые решения в интересах защиты законных интересов и прав подзащитного, формировать единую с ним стратегию и тактику защиты от предъявленного обвинения.

Несогласованность позиции защитника и подзащитного, являясь одним из проявлений нарушения права на защиту, влечет безусловную отмену приговора. Коллизии согласования правовой позиции адвоката и доверителя следует рассматривать в тесной связи с пределами судебного разбирательства, допускающими изменение обвинения в судебном разбирательстве только в сторону смягчения положения подсудимого.

Материалы и методы исследования

В статье использовались материалы практики судебной коллегии по уголовным делам Свердловского областного суда, районных судов г. Екатеринбурга, а также опубликованная судебная практика кассационных судов общей юрисдикции за 2020–2024 гг.

Основу исследования составили общенаучные и частно научные методы познания, принятые в юриспруденции, такие, как метод системного анализа теоретических и нормативно правовых источников, формально-логический.

¹ Собрание законодательства РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.

² Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. 2003. № 3.

Обсуждение

В теории уголовного процесса господствует позиция о недопустимости адвокату занимать по уголовному делу позицию, противоречащую позиции своего подзащитного, а предусмотренные действующим законодательством случаи отступления от этого достаточно жесткого правила носят исключительный характер, продиктованные интересами прежде всего подзащитного и необходимостью обеспечения права на защиту.

Самооговор, как «предоставление лицом ложной информации о совершении им самим преступления» [1, с. 142], позволяет адвокату, убежденному в самооговоре, действовать вопреки воле подзащитного, отстаивая его невиновность. «Отступление от принципиального запрета расхождения позиции адвоката с позицией его доверителя происходит в исключительном случае, когда это требуется в связи с угрожающей доверителю уголовной ответственностью и, следовательно, объясняется обеспечением его права на защиту. Иные изъятия действующим регулированием не предполагаются» [2, с. 12].

Совпадение позиции адвоката и доверителя презюмируется в ситуации, предусмотренной п. 3 ч. 2 ст. 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ), когда о допросе в качестве свидетеля ходатайствует адвокат, защитник подозреваемого, обвиняемого с согласия и в интересах подозреваемого, обвиняемого.

Конституционный Суд Российской Федерации в свое время высказал позицию о праве адвоката «дать соответствующие показания в случаях, когда сам адвокат и его подзащитный заинтересованы в оглашении тех или иных сведений. Данная норма³ также не служит для адвоката препятствием в реализации права выступить свидетелем по делу при условии изменения впоследствии его правового статуса и соблюдения прав и законных интересов лиц, доверивших ему информацию»⁴. Очередным импульсом продолжения дискуссии о возможности допроса адвоката послужило Определение Конституционного Суда РФ от 27.12.2023

³ Имеется в виду п. 2 ч. 3 ст. 56 УПК Российской Федерации.

⁴ По жалобе гражданина Цицишвили Гиви Важевича на нарушение его конституционных прав пунктом 2 части третьей статьи 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 06.03.2003 № 108-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2003. № 4.

№ 3347-О, в котором Суд подчеркнул, что «статья 56 УПК Российской Федерации не исключает право адвоката дать соответствующие показания в случаях, когда сам адвокат и его подзащитный заинтересованы в оглашении тех или иных сведений»¹.

При этом обращено внимание на определенно-го рода обстоятельства и сведения, не относящиеся к адвокатской тайне, исходя из того, что они стали известны адвокату «не в силу того, что они были ему доверены или стали ему известны исходя из его профессиональной деятельности или в связи с нею, а ввиду того, что он стал очевидцем определенных событий, когда участвовал в производстве следственных действий, обеспечивая защиту прав и законных интересов от возможных нарушений уголовно-процессуального закона со стороны органов дознания и предварительного следствия»².

Допрос адвоката — очевидца событий — не только исключает адвоката из производства по уголовному делу в качестве защитника, но позволяет провести допрос при отсутствии согласия подзащитного, интересы которого не всегда заключаются в уточнении порядка производства тех или иных следственных и процессуальных действий и в отводе его защитника, приобретшего статус свидетеля.

Можно отметить еще один — криминальный случай расхождения позиции адвоката и подзащитного: соучастие адвоката в совершении преступления, что явно выходит за рамки оказания юридической помощи. Возможна пограничная ситуация, когда адвокату стало известно о предполагаемых преступных действиях подзащитного не в связи с принятой на себя защитой по уголовному делу, а «за пределами того уголовного дела, по которому доверитель в качестве подозреваемого, обвиняемого получает юридическую помощь адвоката»³. Ограничение рамок адвокатской тайны лишь теми сведениями, которые стали известны адвокату в связи с оказанием юридической помощи, ставит вопросы о рамках и пределах ее оказания и, как следствие, об относительности адвокатской тайны.

Недопустимость противоречия позиции адвоката интересам доверителя запрещает адвокату делать публичные заявления о доказанности вины доверителя, если тот ее отрицает (п. 4 ст. 6 Закона № 63-ФЗ).

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Белоуса Демида Александровича на нарушение его конституционных прав пунктом 3 части третьей статьи 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 27.12.2023 № 3347-О. URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision733074.pdf> (дата обращения: 29.05.2024).

² Там же.

³ По жалобе граждан Зубкова Владимира Владимировича и Крупочкина Олега Владимировича на нарушение их конституционных прав положениями статей 38, 88, 113, 125 и части первой статьи 152 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также части 2 статьи 7 Федерального закона «О Следственном комитете Российской Федерации» : определение Конституционного Суда РФ от 11.04.2019 № 863-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2019. № 4.

Теоретический анализ и вопросы практической реализации недопустимости признания адвокатом вины подзащитного при ее отрицании последним (полностью либо частично) требуют обращения к пределам судебного разбирательства и отчасти к правилу *non bis in idem*.

Обвинение как утверждение о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом, не является константой и предполагает возможность его изменения как в досудебном производстве, так и в стадии судебного разбирательства.

Положения ст. 252 УПК РФ, запрещающие изменение обвинения в судебном разбирательстве при ухудшении положения подсудимого и нарушении его права на защиту, конкретизированы судебной практикой. В частности, Верховный Суд Российской Федерации допускает изменение обвинения и квалификацию действия (бездействие) подсудимого по другой статье уголовного закона, по которой подсудимому не было предъявлено обвинение, лишь при условии, если действия (бездействие) подсудимого, квалифицируемые по новой статье закона, вменялись ему в вину, не содержат признаков более тяжкого преступления и существенно не отличаются по фактическим обстоятельствам от поддержанного государственным (частным) обвинителем обвинения, а изменение обвинения не ухудшает положения подсудимого и не нарушает его права на защиту⁴.

Допустимость изменения обвинения в судебном разбирательстве в сторону смягчения, улучшения положения подсудимого теорией и практикой уголовного процесса не отрицается. Критерии «неухудшения» положения подсудимого обратны критериям поворота к худшему, однако универсального правила переквалификации деяния подсудимого при соблюдении требования о недопустимости нарушения права на защиту уголовно-процессуальная теория не выработала. Если в отношении материального критерия пределов судебного разбирательства — понятия более тяжкого обвинения и существенности отличий обвинения от первоначального по фактическим обстоятельствам, возможна ориентация на апробированную судебную практику, то применительно к процессуальному критерию пределов судебного разбирательства — недопустимости нарушения права на защиту — прослеживается тенденция на расширительное толкование судами нарушения права на защиту вследствие ненадлежащей позиции адвоката при разрешении судом уголовного дела.

Несмотря на то, что адвокат не является субъектом, формулирующим обвинение, определяющим его объем, его позиция в ходе судебного разбирательства, основанная на фактических обстоятельствах уголовного дела и исследованных судом доказательствах,

⁴ О судебном приговоре : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 1.

находит выражение в правовой оценке обвинения, предъявленного подзащитному.

Исходя из того, что «в юридической литературе обычно выделяют три составные части обвинения: фабулу обвинения, его юридическую формулировку и правовую квалификацию» [4, с. 123], несогласованность позиции адвоката и подзащитного могут касаться доказанности фактических обстоятельств уголовного дела (фабулы обвинения), формулировки обвинения (уголовно-правовых признаков конкретного вида преступления), квалификации преступления, определяемой как «установление и юридическое закрепление точного соответствия между фактически признаками совершенного деяния и признаками состава преступления, предусмотренного уголовно-правовой нормой» [5, с. 5].

Интерпретация адвокатом вопреки позиции подзащитного «фактических обстоятельств, выражающих признаки конкретного состава преступления» [3, с. 37], установленных судом в ходе судебного следствия, признается судебной практикой нарушением права на защиту, влекущим отмену состоявшихся судебных решений.

Так, предложенная защитником переквалификация действий подсудимого с ч. 1 ст. 105 УК РФ (убийство) на ч. 4 ст. 111 УК РФ (причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть) при отрицании подсудимым наличия умысла на причинение смерти потерпевшей и причин ее смерти (при признании фактов нанесения ударов, вследствие которых, по заключению экспертов, наступила смерть потерпевшей), было признано судом нарушением права подсудимого на защиту, влекущим отмену или изменение судебного решения¹.

Действиями вопреки интересам своего подзащитного признано судом мнение защитника о необходимости квалификации действий подсудимого по ч. 1 ст. 111 УК РФ. Подсудимый в ходе судебного следствия и судебных прений настаивал на необоснованном предъявлении ему обвинения по ч. 1 ст. 111 УК РФ, а в последующем по ч. 4 ст. 111 УК РФ, нанесение ударов потерпевшему не отрицал, но считал, что в результате его ударов не могли быть причинены повреждения, квалифицируемые по ч. 1 ст. 111 УК РФ².

¹ Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции: от 10.09.2020 по делу № 77-629/2020 // ГАС РФ «Правосудие». URL: http://5kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=348326&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1 (дата обращения: 24.05.2024); Аналогичный вывод содержится апелляционном определении судебной коллегии по уголовным делам Свердловского областного суда от 18.11.2020 по делу № 22-7438/2020. Документ опубликован не был.

² Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции: от 23.03.2021 по делу № 77-842/2021 // ГАС РФ «Правосудие». URL: https://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=9676832&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1 (дата обращения: 24.05.2024).

Безусловным нарушением уголовно-процессуального закона, предусмотренным п. 4 ч. 2 ст. 389.17 УПК РФ (несовпадение позиций адвоката и интересов подзащитного), неустранимым в суде апелляционной инстанции, поскольку нарушена процедура судопроизводства в целом, ибо право на защиту не может быть реализовано в части, признана позиция адвоката. Защитник, выступая в прениях, вопреки позиции подзащитного, ссылалась на полное признание последним своей вины в совершении преступлений, отсутствие оснований для оспаривания квалификации действий подсудимого и высказалась только относительно назначения наказания. Между тем согласно протоколу судебного разбирательства, подсудимый от дачи показаний по существу предъявленного обвинения отказался, были оглашены и подтверждены подсудимым его показания, данные на предварительном следствии, в которых он выразил несогласие с предъявленным обвинением.

Суд апелляционной инстанции указал, что «адвокат фактически отказалась от принятой на себя защиты, связанной с представлением интересов подсудимого в судебном заседании, лишив его права на эффективную защиту»³.

Сложившаяся практика весьма любопытна — суды делают вывод о нарушении права на защиту, сопоставляя позицию адвоката в суде с оглашенными в силу п. 3 ч. 1 ст. 276 УПК РФ показаниями подсудимого, данными в ходе предварительного следствия.

Иная юридическая оценка действий подсудимого и изменение квалификации деяния, с которой также может быть связано рассогласованность позиций адвоката и доверителя, вытекает, как правило, из иной (подлежащей согласованию) трактовки фактических обстоятельств совершенного деяния и/или изменения формулировки обвинения. Статус адвоката как независимого профессионального советника, определенный законодательством, позволяет ему определить по итогам судебного следствия квалификацию деяния, наиболее благоприятную для подсудимого и соответствующую тактике защиты. Отмечаемая в ряде случаев, по выражению З. В. Макаровой «абсурдность» [6, с. 76] позиции доверителя применительно к правовым вопросам, неправильная оценка юридической составляющей деяния, не совпадающая с позицией защитника, приводит к коллизионным моментам позиционной защиты и ставит под вопрос обеспечение права на защиту подсудимого. Отмечено, что «в таких ситуациях адвокат лишается возможности обратить внимание суда на другие возможные варианты разрешения уголовного дела по существу, что приводит к негативным последствиям» [7, с. 106].

Суд признал несоблюдение права обвиняемого на защиту в позиции адвоката, указавшего, несмотря

³ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Свердловского областного суда: от 21.04.2024 по делу № 22-1490/2024. Документ опубликован не был.

на просьбу подсудимого об оправдании по предъявленному обвинению, на противоправность его действий, требующих иной, чем дана органом следствия, юридической оценки. Выступая в судебных прениях, адвокат вопреки позиции подзащитного, признал отсутствие в действиях подсудимого состава покушения на грабёж, и, приведя собственный анализ произошедших событий и судебной практики, пришёл к выводу о наличии в действиях подсудимого состава административного правонарушения либо, как максимум, преступления против личности¹.

Иные изменения обвинения. Обвинение кроме элементов, имеющих значение для юридической квалификации деяния подсудимого, включает иные обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу.

Как возложение на себя обвинительной функции трактуется ситуация совпадения позиций адвоката и обвиняемого, если адвокат не приводит доводы, направленные на улучшение его положения, возможности избрания иной меры пресечения, изменения вида исправительного учреждения и иных обстоятельств применительно к избираемым мерам процессуально-го принуждения и наказания.

Эти ситуации, диаметрально противоположные анализируемым случаям несогласованности позиций адвоката и доверителя, в судебной практике расцениваются как фактическое выполнение защитником функции обвинения.

Судом в ходе судебного разбирательства было указано на не приведение адвокатам доводов, направленных на улучшение положения обвиняемого (обвинение было предъявлено по ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ, ч. 2 ст. 228 УК РФ) при разрешении ходатайства следователя о продлении срока домашнего ареста. Обвиняемый выразил согласие с ходатайством следователя о продлении срока домашнего ареста, защитник поддержал позицию подзащитного. После замечания судьи защитнику пришлось выйти за рамки позиции обвиняемого, без согласования с последним, и выразить в прениях просьбу о замене домашнего ареста более мягкой мерой пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении или о запрете определенных действий. Суд при этом удовлетворил ходатайство следователя и продлил обвиняемому срок домашнего ареста².

Лишение права на эффективную защиту — вывод суда при согласии адвоката с позицией государственного обвинителя при назначении осужденному вида исправительного учреждения. Адвокат, поддержав апелляционное представление государственного

обвинителя о необходимости назначения осужденному для отбывания наказания вида исправительного учреждения, не приведя каких-либо доводов, направленных на улучшение положения осужденного (в приговоре не был указан вид исправительного учреждения), фактически выполнила функцию представителя стороны обвинения и заняла позицию, противоречащую интересам подзащитного³.

Заключение и выводы

Качество оказания квалифицированной юридической помощи адвокатом-защитником во многом определяется согласованностью позиции защиты. Своим образным ориентиром в этом выступает положение пп. 3, 4 ч. 4 ст. 6 Федерального закона от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» о том, что адвокат не вправе занимать по делу позицию вопреки воле заявителя, делать публичные заявления о доказанности вины доверителя, если тот ее отрицает.

В уголовном судопроизводстве недопустимо как выражение позиции вопреки воле подзащитного, так и оставление разрешения процессуально значимого вопроса на усмотрение суда, поскольку в этом случае также прослеживается несоответствие позиций между адвокатом защитником и обвиняемым (подсудимым). В силу п. 18 постановления Пленума Верховного суда РФ от 30.06.2015 г. № 29 «О применении судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве», суд, являясь гарантом обеспечения права обвиняемого на защиту, должен выяснить, была ли позиция защитника согласована с обвиняемым (подсудимым), и в случае обнаружения несоответствия возобновить судебное следствие, в том числе и на этапе прений⁴. Возможен вывод о нарушении права на защиту при сопоставлении позиции адвоката, высказанной в суде, с оглашенными в силу п. 3 ч. 1 ст. 276 УПК РФ показаниями подсудимого, полученными в ходе предварительного следствия.

В последнее время в правоприменительной практике все чаще стали встречаться ситуации, когда судьи обращают внимание на недопустимость выполнения адвокатом защитником функции представителя стороны обвинения. Позиция адвоката признается нарушением конституционного права обвиняемого на защиту и противоречащей интересам подзащитного, когда адвокат, несмотря на совпадение позиции с подзащитным, не просит суд о смягчении, не приводит каких-либо доводов об улучшении положения подзащитного.

¹ Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции : от 19.11.2021 по делу № 77-5335/2021 // ГАС РФ «Правосудие». URL: https://7kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=11087241&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1 (дата обращения: 24.05.2024).

² Архив Железнодорожного суда г. Екатеринбурга, дело № 1-108/2024. Документ опубликован не был.

³ Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции : от 01.07.2021 по делу № 77-2682/2021 // ГАС РФ «Правосудие». URL: https://7kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=9642192&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1 (дата обращения: 24.05.2024).

⁴ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 9.

Список источников

1. Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»: научно-практический комментарий (постатейный) / под ред. А. В. Гриненко. Москва: Проспект, 2018. 295 с.
2. Морозов А. В. Стандарты обеспечения адвокатской тайны // Адвокатская практика. 2020. № 2. С 10–15.
3. Епихин А. Ю., Тарханов И. А. Изменение обвинения и квалификации преступления в судебном производстве // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 4 (40). С. 122–129.
4. Давыдов П. М. Обвинение в советском уголовном процессе. Свердловск, 1974. 136 с.
5. Кудрявцев В. Н. Теоретические основы квалификации преступлений. 2-е изд., перераб. и доп. Москва, 2007. 302 с.
6. Макарова З. В. Согласованность позиций адвоката и его подзащитного // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2008. № 1. С. 73–78.
7. Лебедев Н. Ю., Лебедева Ю. В. «За» и «против» двойственной позиции защитника в уголовном судопроизводстве: позиции, мнения, взгляды // Алтайский юридический вестник. 2018. № 3 (23). С. 105–108.

ВКЛАД АВТОРОВ

Машовец А. О. — обоснование концепции исследования, разработка методологии исследования и создание модели исследования; сбор и анализ теоретической базы исследования; обобщение результатов исследования и написание статьи и выводов.

Никифорова Е. Ю. — сбор и анализ эмпирической базы исследования; обобщение результатов исследования; редактирование и написание статьи.

CONTRIBUTION OF AUTHORS

Mashovets A. O. — justification of the research concept, development of the research methodology and creation of the research model; collection and analysis of the theoretical basis of the research; generalization of the research results and writing of the article and conclusions.

Nikiforova Ye. Yu. — collection and analysis of the empirical base of the research; generalization of the research results; editing and writing the article.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 30.05.2024.

Дата рецензирования статьи / Revised: 07.06.2024.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 15.06.2024.